

Н. ФАТЕЕВА. СИНТЕЗ ЦЕЛОГО: НА ПУТИ К НОВОЙ ПОЭТИКЕ

М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ, 2010. 352 с.

Неожиданное название дала своей новой книге Н. Фатеева – исследователь новаторской поэзии и прозы, автор книг о Пастернаке и о поэтике интертекста. Казалось бы, и “синтез”, и “целое” – категории традиционалистского дискурса, этими словами оперируют, как правило, ревнители классики, чурающиеся авангардных крайностей. Но филологический опыт двадцатого века показал, что целостно-синтетический взгляд на литературу невозможен без освоения всего ее спектра, включая самые отчаянные творческие новации.

Именно это имел в виду Ю. Тынянов, когда призывал исследователей “работать над материалом с осязаемой формой”, присматриваться к явлениям “выдвинутого или смещенного ряда”, – с тем, чтобы в итоге выстраивать “динамическую археологию” литературы в целом. Именно таким путем идет Н. Фатеева: “Вверх и вниз по лестнице авангарда” – названа третья, завершающая, глава ее книги, занимающая в ней главное место – и в количественном, и в концептуальном отношении. Пастернак, Цветаева, Хармс, Леонид Аронзон, Елизавета Мнацаканова, Геннадий Айги – таковы главные “действующие лица” этой главы. Установка на эстетический синтез отчетливо просвечивает во всех аналитических разборах. Н. Фатеева предлагает собственный взгляд на творческую эволюцию Пастернака, утверждая, что обретенную им в поздние годы “естественность никак нельзя назвать простой” (с. 180), и полемизируя в этом плане с Ю. Лотманом. Она вполне корректно и убедительно отводит нормативные претензии М. Шапира, основанные на представлении о “небрежности” пастернаковского письма: и “прекрасна без извилин”, и “вакансия поэта”, которая “опасна, если не пуста” – все это эстетически оправданные трансформации, поскольку перед нами “динамическая запись смещения от общепонятного к глубоко личному” (с. 203).

Аналитический опыт Н. Фатеевой многократно подтверждает плодотворность той научной стратегии, что была некогда определена В.П. Григорьевым как “лингвистическая поэтика”. Именно этому выдающемуся филологу и учителю автора книги посвящен этюд о поэтической “смежности” предлога “о” и омонимичного ему междометия –

с примерами из Блока, Хлебникова и Пастернака. А в разделе о “поэтике противоречий” Цветаевой лингвистический взгляд высвечивает глубину поэтической этимологии: по поводу строк “Из обрядов всех чту один обряд: / Целованье рук” сказано: “Целованье” в данном контексте приобретает свой исходный смысл обретенья “целостности при встрече” (с. 243). Так, от частных – к “синтезу целого” постоянно движется мысль автора.

Довольно свежий материал для лингвистической поэтики дает поэзия Л. Аронзона, легендарного питерского поэта, ушедшего из жизни сорок лет назад, но по сути открываемого только в последние годы. Обнаруживая у поэта “особое, до конца не уравновешенное соединение языковых элементов, которое почти в каждом стихотворении может получать новую конфигурацию” (с. 269), Н. Фатеева решает задачу не только академическую, но и критическую, аксиологическую, давая Л. Аронзону чрезвычайно высокую оценку и утверждая в финале статьи, что «в своей “неслышанной простоте” он сравнялся с Пастернаком» (с. 297). Такая исследовательская увлеченность подкупает и в известной мере выглядит укором литературоведам, “упустившим” Л. Аронзона в своих монографиях и учебниках по истории отечественной поэзии.

Еще меньше признана присяжными литературоведами и критиками Елизавета Мнацаканова с ее причудливой поэтической графикой и вызывающим многоязычием. Постигая эту в высшей степени аналитичную поэтику, Н. Фатеева опять-таки идет по пути эстетического синтеза, поиска “упорядоченности в неупорядоченности” (с. 307). Стих как таковой, строка как единица поэзии сохраняется и здесь, в царстве дискретности и агграмматизма.

В конце главы помещен этюд о “мифопоэтическом статусе” слова “дорога” в поэзии Геннадия Айги. Примечательно, что сначала здесь о герое говорится как об участнике текущего литературного процесса: «Неповторимым поэтическим видением “дороги” отличается современный поэт...» (с. 309), а финал содержит мемориальный оттенок смысла: «...Айги прощается с читателем

“посреди поля” на эмоциональной доминанте “крика”» (с. 314). Первая публикация этой работы (2006) совпала по времени с уходом из жизни яркого новатора, проложившего творческую “дорогу” в поэтику двадцать первого века.

Опыт Н. Фатеевой в постижении словесно-смысловых сложностей новейшей поэзии помогает ей по-новому подойти и пронизанной поэтическими нитями прозе Набокова (этому писателю посвящена вторая глава). По мысли автора, Набоков и обнажает прием, и в то же время маскирует его. Этот принцип “растворенного приема” работает на самых разных уровнях. Завершается глава разговором о “минутах счастья” у Пушкина и Набокова. Думается, такой просветленно-гедонистический взгляд вполне адекватен миру прозаика, который в литературе о нем чересчур рационализирован и несколько “пересушен”.

А в самом начале этой разнообразной по материалу книги помещена работа, с которой Н. Фатеева в 1986 году (тогда еще под другой фамилией) дебютировала в науке. Первая глава – “Поэтика заглавия: Двадцать лет спустя” – основана на кандидатской диссертации автора, который тем самым хочет «восстановить свою “сильную позицию” в области изучения заглавий художественного текста» (с. 25). Действительно, автором предложена системная модель описания прозаических и поэтических заглавий, снабженная как классическими, так и новейшими примерами. Автор безусловно прав в том, что заглавие “служит одновременно именем текста и индивидуально-авторским высказыванием о нем”

(с. 57). Но стоит ли отказывать всем писавшим на эту тему после Н. Фатеевой (в 1986 году – Н. Кожинной) в полном отсутствии “новых идей”? Кое-что все-таки наблюдается – в частности, в связи с коммерциализацией литературно-издательского процесса. Так, автору настоящей рецензии доводилось писать о “переодевании” в разные заглавия одних и тех же книг (например, сборник рассказов Т. Толстой, не меняя состава, сменил с полдюжину названий), о типологии заглавий в масскульте (наивно-серьезные у А. Марининой и глумливо-циничные у Д. Донцовой) и т.п. Новая ситуация бросает ретроспективный свет и на систему заглавий советского масскульта, фигурирующего порой у Н. Фатеевой. Стоит ли, скажем, всерьез эстетически оценивать названия опусов циничного литначальника В. Кожевникова (“Древо жизни”, “Корни и крона”), в “творчестве” которого активное участие принимали редакторы, причем отнюдь не только на уровне заглавий?

Как бы то ни было, тема эта заслуживает более чем сорока пяти страниц книжного текста. Полагаю, что вслед за публикацией своей “охранной грамоты” в этой области Н. Фатеева могла бы успешно продолжить перспективную работу и довести ее до объема обширной монографии. Ведь после вышедшей в 1931 году тоненькой “Поэтики заглавий” С. Кржижановского книги на эту тему не было. А она насущно нужна – и не только академическому, но и достаточно широкому читателю.

В.И. Новиков